

В. А. Кузнецов. *Аланские племена Северного Кавказа*. Материалы и исследования по археологии СССР, № 106, М., 1962, 133 стр., 37 рис.

Рецензируемая книга представляет большой интерес для всех специалистов, работающих над проблемами этногенеза народов Северного Кавказа, так как в ней суммирован, критически рассмотрен и в значительной части определен в отношении своей этнической принадлежности археологический материал из средневековых могильников и поселений Северного Кавказа. Географические рамки исследования — территория, которую занимали аланы, т. е. Прикубанье, Кабардино-Балкария, Северная Осетия, Чечено-Ингушетия и Дагестан, хронологические рамки — время широкого расселения алан на Северном Кавказе, т. е. IV—XIII вв. Задача автора заключалась в том, чтобы выделить могильники, оставленные аланами, и на основании исследования неаланских памятников попытаться нарисовать картину культуры местных племен, сыгравших затем большую роль в сложении современных народов. Все заключения автора строятся в основном на изучении могильного инвентаря и типов погребений, но могильники вообще составляют подавляющее большинство среди изученных памятников Северного Кавказа. Таким образом, В. А. Кузнецов практически исчерпал имеющиеся материалы, непосредственно относящиеся к его теме.

Краткое введение посвящено обзору литературы по аланской проблеме и основным этапам накопления археологических материалов с исследуемой В. А. Кузнецовым территории. В первой главе рассматриваются катакомбные могильники Северного Кавказа, которые, по мнению автора, оставлены непосредственно аланами. Вторая, третья и четвертая главы посвящены рассмотрению подземных и полуподземных склепов, наземных гробниц, каменных ящиков и грунтовых могил, которые, как считает В. А. Кузнецов, оставлены различными местными племенами. Среди них выделены три локальных варианта. В последней, пятой, главе рассматриваются происхождение локальных вариантов культуры местных племен и некоторые вопросы политической и этнической истории аланского племенного союза.

В. А. Кузнецов вслед за А. А. Спицыным, Ю. В. Готье и другими исследователями убедительно аргументирует принадлежность катакомбных могильников аланам. Об этом, по его мнению, свидетельствуют отсутствие катакомбных могильников на Северном Кавказе в более раннее время, находки в них деформированных черепов и характерного оружия, восходящего к сарматским прототипам, найденный в катакомбах специфический набор конского снаряжения. Однако обычай деформации черепной коробки вряд ли можно считать достаточно надежным этническим определителем. Так, резкая циркулярная деформация может быть отмечена на черепах из могильника Узун-Кол, который В. А. Кузнецов приписывает местному населению, тогда как в сериях из Змейского и Салтовского могильников нет ни одного деформированного черепа.

Результаты раскопок Змейского могильника, проведенных автором, позволили ему подробно остановиться на развитии аланской культуры в X—XII вв. До них в нашем распоряжении практически не было материалов, освещающих поздние этапы этой культуры. Оказалось, что, вопреки довольно широко распространенному мнению о «затухании» аланской культуры в эту эпоху, она, наоборот, характеризуется ярким развитием, интенсивными связями с культурой соседних стран. В частности, анализ материала из Змейского могильника позволяет сделать чрезвычайно важный вывод о том, что, несмотря на продолжающееся влияние искусства Ирана и Средней Азии на искусство алан, в то время усиливаются их связи с северными странами — Русью и Прибалтикой.

Западный локальный вариант местной культуры включает наземные гробницы, подземные и дольменообразные склепы. Их распространение ограничивается верховьями Кубани, средним и верхним течением Большого Зеленчука. В. А. Кузнецов с полным основанием ставит их в связь с племенами, вошедшими позже в состав современных народов адыгейской языковой группы. Традиционная точка зрения о принадлежности этих памятников аланам подвергается при этом обстоятельной критике, основанной на результатах сопоставления археологического инвентаря, в частности керамики, из этих могильников и могильников катакомбного типа. Автор выдвигает интересную гипотезу о проникновении в верховья Кубани сарматоязычных племен в первые века н. э., что дает ему возможность объяснить известный факт наличия здесь иранской топонимики, не прибегая к допущению о пребывании больших групп аланов в верховьях Кубани. Не менее интересно предположение о том, что население этой области входило в состав племенного объединения асов.

Большого внимания заслуживает попытка выделения в верховьях Кубани памятников, оставленных тюркским населением. Автор связывает с ним каменные статуи воинов. Это предположение подтверждается антропологическими данными. Череп из кочевнического погребения, раскопанного Т. М. Минаевой у аула Кубина, характеризуется монголоидным типом. Небольшая монголоидная примесь отмечена и у населения Черкесии XIV—XVI вв. Все это говорит о проникновении кочевников далеко в горы. По-видимому, это были кипчаки, передвижение которых в горные районы с равнины под давлением монгольских орд зафиксировано и прямыми историческими свидетельствами. Кстати сказать, указанные факты в сочетании с монголоидным типом

воинов, изображенным на статуях, не подтверждают мнения З. В. Анчабадзе о европеоидном типе кипчаков¹. Таким образом, необходимость учитывать при разработке вопросов этногенеза народов западной части Северного Кавказа наличие в этих районах тюркоязычных кочевников перестает быть пожеланием и превращается в проблему, к решению которой должны быть привлечены данные археологии и антропологии. Жаль только, что В. А. Кузнецов, поставив этот важнейший вопрос, ограничился очень беглым и суммарным описанием каменных статуй и не отметил характерные особенности отдельных памятников.

Центральный локальный вариант местной культуры распространен в районах нынешней Кабардино-Балкарии. Он представлен подземными склепами, каменными ящиками и грунтовыми погребениями в ямах. В. А. Кузнецов считает, что местное население горных районов может быть связано с этнонимом «дигор», вскрываемым в процессе изучения кавказского субстрата в осетинском языке. Так же как и адыгские племена, оставившие памятники западного варианта, оно входило в состав племенного союза асов. Грунтовые погребения в ямах, по-видимому, в наибольшей степени сходны с грунтовыми погребениями Зливинского могильника на Украине и Нови-Пазарского могильника в Болгарии. Автор присоединяется к точке зрения, согласно которой эта группа памятников сопоставляется с праболгарами, или черными болгарами.

Восточный локальный вариант местной культуры выделяется на территории нынешних Северной Осетии и Чечено-Ингушетии. Это каменные ящики, подземные и полуподземные склепы. На основании анализа керамики В. А. Кузнецову удается выделить раннюю и позднюю группы. Дополнительное обоснование получает более ранняя дата сооружения подземных склепов по сравнению с полуподземными. Автор полагает, что население, оставившее все эти памятники, принадлежало к племенам кавказской языковой общности и может быть связано с этнонимом «ирон». По его мнению, оно входило в состав племенного союза собственно аланов. Происхождение всех трех локальных вариантов возводится В. А. Кузнецовым к эпохе бронзы и ставится в связь с локальными вариантами прикубанской и кобанской культур.

Таково богатое содержание рецензируемой книги. Представленные в ней материалы выявляют огромную роль местных племен в формировании современных народов Северного Кавказа. Особенно велико значение этих материалов для решения проблемы этногенеза осетин, которые иногда рассматриваются как прямые потомки аланского населения. В частности, археологические данные, демонстрируя преобладающую роль местного автохтонного пласта в сложении осетинского народа, блестяще дополняют результаты антропологического исследования осетин, свидетельствующие о том, что подавляющее большинство их физических предков входило в состав не аланских, а местных кавказских племен. Представление об их типе может быть составлено на основании изучения палеоантропологического материала из подземных склепов могильника Харх.

Как и всякая большая работа, охватывающая разносторонний материал, книга В. А. Кузнецова не лишена спорных положений и некоторых неточностей. Автор неоднократно подчеркивает, что термины «аланская культура», «аланские племена» употребляются им в двойном значении: когда речь идет о собственно аланской культуре и аланских племенах, с одной стороны, и по отношению к культуре и племенам Северного Кавказа эпохи средневековья вообще — с другой. Каковы основания для такого расширенного толкования этих терминов? То обстоятельство, что местные племена входили в состав аланского племенного союза? Но автор сам широко и во многом убедительно аргументирует точку зрения, согласно которой на Северном Кавказе в эпоху средневековья было два племенных объединения — аланов и асов. Кроме того, не только не исключено, но весьма вероятно, что какие-то местные племена не входили в эти союзы. Рецензенту представляется, что, употребляя указанные термины в расширенном толковании, автор отдает дань обветшавшей традиции, разрушению которой столь действительно способствует его книга.

Отмечу неточности. На стр. 85 В. А. Кузнецов со ссылкой на работу В. И. Абаева 1960 года пишет: «...в последнее время В. И. Абаевым высказана точка зрения о существовании древнего субстратного языка, легшего в основу балкаро-карачаевского, осетинского и других языков северокавказских народов». На самом деле эта точка зрения высказана В. И. Абаевым почти 30 лет тому назад². На стр. 118 В. А. Кузнецов, излагая по В. И. Абаеву состав лексики осетинского языка, указывает, что 20% слов в осетинском языке относятся к иранскому слою, а 60% могут быть сопоставлены с местным кавказским субстратом. Из этого делается вывод, что «...кавказский элемент

¹ З. В. Анчабадзе, Кипчаки Северного Кавказа по данным грузинских летописей XI—XIV веков, Сб. «О происхождении балкарцев и карачаевцев» (Материалы научной сессии по проблеме происхождения балкарского и карачаевского народов), Нальчик, 1960, стр. 120.

² В. И. Абаев, Общие элементы в языке осетин, балкарцев и карачаевцев, сб. «Язык и мышление», т. I, Л., 1933.

в осетинском языке является доминирующим». Во-первых, В. И. Абаев пишет не о 60%, а о 50% местной лексики, что, правда, не имеет принципиального значения. Во-вторых, работа Абаева, без изменений перепечатанная в 1949 году, первый раз была опубликована на 17 лет раньше³, когда увлечение яфетическим субстратом приняло, как известно, повальный характер. В-третьих, и это самое важное, 20% иранских слов составляют, как отмечает сам В. И. Абаев, основной словарный фонд осетинского языка, неопровержимо свидетельствуя в пользу его принадлежности к иранской языковой семье⁴.

Книга В. А. Кузнецова — обстоятельная и глубокая работа. Она представляет большой интерес для всех исследователей этнических проблем на территории Северного Кавказа. Но в то же время она имеет и более широкое значение, демонстрируя огромную роль средневековых памятников в изучении происхождения и этнической истории современных народов. Хотелось бы, чтобы археологи уделяли им такое же внимание, какое уделяется памятникам более ранних эпох.

В. Алексеев

³ В. И. Абаев, К характеристике современного осетинского языка, Яфетический сборник, т. VII, Л., 1932.

⁴ В. И. Абаев. Происхождение и культурное прошлое осетин по данным языка, Осетинский язык и фольклор, т. I, М.—Л., 1949.

П
С.

В.

В.

Н

В.

А.

Е

В

А

Т

Р

В

Г

И

Л

Э

К

А

И

С

Д

Е